

УДК 82-398 (470.621)

ББК 82.3(2=Ады)

Г 97

Гутов А.М.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, e-mail: adam.gut@mail.ru

Антигерой в младшем эпосе адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются типы антигероев, эпических персонажей адыгского фольклора, на которых ранее не обращалось достаточного внимания, хотя в устном повествовании они играют важную роль. Устанавливается, что художественный образ, характерный для литературы XX века, испытывает влияние фольклорных мотивов. На основании анализа формулируется мысль, что образ антигероя усложняет эпический сюжет, оказывает влияние на эволюцию искусства повествования и обогащает палитру художественных образов, что с достаточной ясностью проявляется в историко-героических сказаниях и песнях. Исследуются разные модификации антигероев, характер изображения которых свидетельствует о привлечении образности и приемов фольклорных традиций. Сравнительно-типологический метод и ретроспективный анализ помогают систематизировать фольклорные формы и сформулировать их своеобразие, национальные особенности.

Ключевые слова:

Антигерой, эпизодический персонаж, художественный образ, эволюция, маркировка, типизация образа, героическое, сюжет, мотив.

Gutov A.M.

Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Circassian Folklore Department, the Institute of Humane Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: adam.gut@mail.ru

Anti-hero in Junior Circassian Epic

Abstract:

The paper describes the types of anti-heroes, epic characters of the Adyghe folklore which have not previously received sufficient attention in folklore. Despite this, they play an important role in the oral narrative. It is established that the genesis of the artistic image, which received its greatest development in the literature of the 20th century, points to ancient folklore motifs. The image of the anti-hero complicates the epic story, influences the evolution of narrative art and enriches the palette of artistic images. This is manifested in historical and heroic tales and songs with sufficient clarity. The variety of specific embodiment of anti-hero in songs and legends about different heroes is investigated. The comparative - typological method and the retrospective analysis help to systematize folklore forms and to formulate their originality and national peculiarities.

Keywords:

Anti-hero, an episodic character, artistic image, evolution, marking, typification of image heroic, plot, motive.

Герой и его противник в народном эпосе образуют два полюса, конфликт между которыми стимулирует повествование. Остальные персонажи группируются на сторонников того или другого. Но иногда бывает затруднительно однозначно отнести некоторых из них к той или иной группе. Как правило, такие персонажи появляются в повествовании как личности, нейтральные к противостоящим сторонам, чаще – как сторонники героя. При их непрременной идентификации в начальной части повествования они чаще заслуживали бы знака (+). Далее они под влиянием одной из сторон конфликта начинают действовать против другой, обычно – против бывшего союзника. Это дает основание, чтобы в их маркировке к первичному знаку прибавить противоположный: (+) (-).

Персонажи подобного типа представлены и в историко-героическом эпосе адыгов. Таков, например, в цикле о богатыре Созарыхе образ безымянного старичка: его быки не могут вытянуть из балки тяжелый груз, и Созарыха, пожалев его, впрягается вместо вола в арбу и вытаскивает ее. Предварительно он берет со старичка слово, что тот не раскроет тайну его необычайной силы. Однако у того недостает воли, чтобы сохранить тайну, и это становится причиной гибели Созарыхи [1: 71; 2: 35, 42]. В том же цикле другой персонаж, Хусин Широкопятаый, не посмеяв послушаться князя, нарушает обычай и выходит на поединок против Созарыхи, своего двоюродного брата [1: 74; 2: 43]. В цикле о Шумахо Шурдуме князь Хатокшуко проявляет слабость духа и не решается вступить в сражение, из-за этого гибнет герой [3: 64-70]. Такая ситуация получает оригинальную трактовку в цикле о сватовстве к вдовой княгине: на селение, в которое приехали сваты, напали грабители, но партия во главе с женихом не смеет вступить в сражение. Сын вдовы один преследует грабителей и погибает. В песне едко высмеиваются участники это-

го сватовства [4: 84-85, 87].

В цикле о Куркужинской битве антигерой – некий Канок Кривой, отправленный в дозор, чтобы заметить приближение вражеского войска и предупредить своих, – засыпает на кургане, враги застают кабардинское войско врасплох и оно терпит жестокое поражение. Здесь также не обходится без упоминания в песне имени виновника трагедии:

Жей уз бзаджэм Къанокъуэ нэфыр хелэгъуэ... [5: 208] –

Сонная болезнь коварная Канок Кривого одолевает...

Другая модификация мотива – в цикле о Каракашкатауской битве. По преданию, кабардинский дворянин Лазароко подвергнут остракизму и нашел прибежище в Крыму. Когда крымцы собрались в поход на Кабарду, он становится их проводником. Однако в последний момент он бежит к своим и предупреждает их об опасности. По этой причине крымцы, рассчитывавшие на внезапное нападение, остаются без пропитания и вынуждены отстреливать бродячих собак и кошек [5: 199]. Это не избавляет Лазароко от нелицеприятного упоминания его имени в песне:

Хъэжь укЫдзэр ди Лэзэрокъуэм къытхуешэ [6: 187-188] –

Войско побивателей собак наш Лазароко нам приводит.

Как типичный антигерой в младшем эпосе адыгов рельефно выделяется образ Канибулата из цикла об Андемиркане. В сюжете о гибели героя он вначале ближайший друг Андемиркана, но под давлением противников он предает героя. В издании «Андемиркан. Адыгский героический эпос», подготовленном З.П. Кардангушевым [7], без малого полторы сотни записей. В их числе 23 – варианты сюжета о гибели, чаще всего, в контаминации. География записей охватывает фактически всю территорию расселения адыгов на Северном Кавказе. Во всех вариантах, за исключением одного, сообщается, что Кани-

булата пришлось уговаривать, из них в 16 в ход пускаются угрозы, в 3 его подкупают, в 4 действия его остаются без мотивации. Очевидно одно: он не был изначальным врагом героя, однако, в отличие от своего друга, он по природе не герой.

Образ Канибулата обычно остается эпизодическим. Но есть и варианты, в которых тема предательства нашла свою разработку. Один из них завершается сообщением о том, как после расправы над героем Беслан Тучный подарил Канибулату кольчугу, с иронией заметив, что теперь он в ней будет нуждаться. Мстители за Андемиркана все же сумели убить его. Тело предателя осталось в колючих зарослях, кольчуга же стала добычей одинокого волка, который, поедая мертвое тело, просунул свою голову в кольчугу и постепенно оказался в нее одетым. Так зверь стал неуязвимым [7: 199-201]. Это не что иное, как реинкарнация: душа предателя вселилась в зверя, сильного, жестокого и совершенно одинокого.

Одно предание посвящено судьбе кольчуги [7: 158-160]. Оно по своему содержанию совпадает с фрагментом упомянутого варианта сказания о гибели Андемиркана, но изложено самостоятельным сюжетом. Беслан также дарит Канибулату кольчугу, она от него переходит к волку. И также зверь становится неуязвимым. Когда же волк, наконец, погибает, туша его еще долго отравляет округу смрадом. Примечательно резюме, которым сказитель заключает свое повествование: «Два волка носили кольчугу Беслана Тучного, и оба погибли волчьей смертью» [7: 160].

В 1972 г. нами было записано одно оригинальное сказание [8]. Оружие и доспехи Андемиркана были поделены между приближенными Беслана Тучного. Канибулату отнюдь не случайно досталась кольчуга необычайной прочности. Налицо модификация мотива неуязвимости эпического героя, но здесь кольчуга имеет и свое символическое значение: предателю достается оружие защитное, а не на-

ступательное, что имеет скрытый смысл. Как известно, для достижения своей цели противники эпического или сказочного героя без колебаний пользуются услугами предателей. Но после выполнения своей неблагоприятной миссии изменник оказывается всеми презираем. Никакие прежние заслуги не в состоянии возратить былого отношения к нему со стороны общества. Андемиркан не захотел расправиться с Канибулатом, хотя мог это сделать накануне своей гибели. Он намеренно оставляет того в живых, и предатель обречен не просто жить, но жить в позоре: находясь среди людей, он презираем всеми, в том числе – и прежним близким окружением. Он сам теперь одинокий волк — сильный, трудноуязвимый, но для всех чужой.

Вернуть ему прежнее достоинство в этой жизни и покой в загробном мире в силах только гибель в сражении, с оружием в руках. Однако кольчуга, приросшая к телу, не дает возможности сделать это. В какие бы сражения ни вступал Канибулат, он остается невредимым, и душе его не суждено обрести покоя. Когда, наконец, завершается его земной путь, гибель его такова, что не приносит упокоения душе. Уместно вспомнить, что Андемиркана он выдал врагам фактически безоружного — без воинского снаряжения и богатырского коня. Тем не менее, герой принял смерть как воин. Согласно записанному нами варианту, в час гибели Канибулата при нем были и оружие и надежная кольчуга. Но погибает он обыденным образом. Идя по звериной тропке, он забредает в заросли колючей облепихи, из которых выбраться уже не в состоянии, друзей же и спутников у него нет. Там и завершает он свою бесславную жизнь. Точкой в истории предательства становится судьба кольчуги. Повторяется уже известная цепь событий: тело Канибулата находит волк, зверь обретает неуязвимость, «надевает» кольчугу. Так же, как и в первых двух примерах, образ предателя характеризуется резко от-

рицательно. Вместе с тем, с точки зрения типологии персонажей, важно то, что он преподносится как явление более сложное, нежели однозначно положительный герой или же его столь же однозначно отрицательный противник.

Как очевидно, разновидности проявления данного типа персонажей многообразны, при этом общими являются признаки или прямого предательства, или отсутствия духовной твердости для безупречного соблюдения правил рыцарского благородства. В антигерое непременно выражены некоторые признаки, по которым его даже можно было бы характеризовать положительно. Персонажи рассматриваемого типа преподносятся в сказании так, будто они и хотели поступить достойным образом, но для этого им недостает той силы духа, которой обладают только герой и его последовательные сторонники. Так, Канибулата нельзя отнести к числу убежденных противников героя, так как он, нанося тому вред, действует не по своей воле и даже тайком льет слезы. Это – жертва обстоятельств, не преодолимых для него. Иными словами, антигерой не противник, но и не надежный союзник. Основное свойство его натуры – **отсутствие героического**. Поэтому мы и предлагаем называть его условно термином «антигерой». В такой роли чаще всего представлен один из второстепенных персонажей, поступок которого, однако, имеет важные — как правило негативные — последствия для главного действующего лица в повествовании. Однако таковым может оказаться не только одно лицо, но и целая группа, что мы видим в цикле о неудачном сватовстве. Также роковые поступки антигероя могут иметь последствия для всего общества, как это отражено в циклах о Куркужинской и о Каракашкатауской битвах.

В адыгском эпосе представлены также персонажи, противоположные антигерою, но не являющиеся ни героями, ни типичными противниками. Это образы лиц, которые также вынужденно со-

действуют, но уже не противнику, а герою. Так, в упомянутом цикле о Созарыхе князь Хатокшоко после совершения мести за героя проникает в дом кормилицы убитого им князя Шужея и ухитряется совершить символический обряд, приравнивающий его к ее детям. Этим она вместе с семьей сыновьями превращается в сторонников героя. Терминологически этот тип можно было бы обозначить как «анти-антигерой». Как правило, образы и антигероя, и его зеркального отражения остаются эпизодическими, порою без собственного имени. Исключением из этого правила нужно считать появление в эпическом репертуаре сюжета, где, в нарушение обычной практики открытого противопоставления героя с врагом, в центр внимания выходит мотив измены с образом «негероя». Антигерой оказывается как тип явлением сложным в плане и психологическом, и художественном. Для фольклора характерно, чтобы каждый из персонажей являлся выраженным носителем какой-то одной идеи. Но уже в архаическом эпосе мы видим попытки индивидуальной характеристики персонажей. Так, особенностью нарта Сосруко является сочетание мужества с долей хитрости, Озырмес представлен мужественным, но он также мудр и дальновиден, Бадинок – суров и несколько прямолинеен. Такие различия нередки в образах многих произведений мирового эпоса. В нашем случае налицо отдельный сюжет, посвященный не идеальному герою и даже не его противнику. Это герой, привлекающий внимание тем, что пробуждает интерес к фигуре, психологически сложной.

Понятие «антигерой» было впервые употреблено Ф.М. Достоевским, и его содержание определяется как: «...тип лит<ературного> героя, лишенный подлинных героич<еских> черт, но занимающий ценр<альное> место в произведении...» [9: 28]. Ф.М. Достоевский отмечал: «...в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя,

а главное, все это произведет пренеприятное впечатление...» [10: 178]. В современном литературоведении данный термин принято относить, в первую очередь, к персонажам классической и современной литературы. Однако, как явствует из наших наблюдений, истоки данного типа обнаруживаются и в народном эпосе.

Примечания:

1. Созарыха, сын Коала // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: 1872. Отд. II. С. 70-81.
2. Къуалэ и къуэ пелуан = Силач Куалов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 35-45.
3. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3, ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. С. 64-70.
4. Из адыгского народного эпоса. Материалы архива Н.А. Цагова. Нальчик: Эльбрус, 1978. 108 с.
5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3, ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.
6. Адыгэ IуэрыIуатэхэр = Адыгский фольклор. Т. 2. Налшык, 1969. 412 с.
7. Андемыркъан. Адыгэ лIыхъужь эпос. Тхылгыр зыгъэхъэзырар КъардэнгъушI Зырамыкуш = Андемиркан. Адыгский героический эпос / изд. подгот. З. Кардангушев. Налшык: Эльбрус, 2002. 370 с.
8. Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, магн. касс. № 69/5.
9. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. М.: 1973. С. 73-179.

References:

1. Sozarykha, Koal's son // Collection of information about the Caucasian highlanders. Iss. VI, Tiflis: 1872. Dep. II, P.70-81.
2. A strongman Kuala // Collection of materials to describe the places and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1901. Iss. 29, P.35-45.
3. Folk songs and instrumental Adyghe tunes. Vol. 3, Part 1, P. 64-70.
4. From the Adyghe folk epic. Archive materials of N.A. Tsagov. Nalchik: Elbrus, 1978. 108 pp.
5. Folk songs and instrumental Adyghe tunes. Vol.3, Part 1. 264 pp.
6. Adyghe folklore. Vol. 2 . Nalchik, 1969. 412 pp.
7. Andemirkan. Adyghe heroic epic / The publication was prepared by Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 2002. 370 pp.
8. Music library of ISI KBNTs of the RAS, magnetic tape cassette No. 69/5.
9. Literary encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1987. 752 pp.
10. Dostoevsky F.M. Notes from the underground // Dostoevsky F.M. Complete coll. of works, M.: 1973, P.73-179.